

АФАНАСЬЕВЫ

Павлово – поселок молодой, 130 лет – это не возраст. И тем ценнее свидетельства очевидцев, которые не только сами родились и всю жизнь прожили в Павлове, но и сохранили рассказы о нашем поселке, услышанные от своих родителей и дедов.

Лидия Алексеевна Афанасьева сейчас уже знакома не многим в поселке, а лет сорок назад она сама знала почти всех павловчан. Урожденная Никитина, Лидия Алексеевна не только хранит на стене фотографию отца, но и помнит рассказы родителей о быте поселка, услышанные от деда, который родился в Петрушино и всю свою жизнь проработал на пароходах, швартовавшихся у Петрушинской пристани. Петрушино в те годы было крепким поселением. Жители, в подавляющем большинстве крестьяне, имели богатые хозяйства – видимо, поэтому, много позднее, именно на базе Петрушино был создан еврейский колхоз.

Отец Лидии Алексеевны, родившийся в 1892 году, продолжил дело деда, и до Первой мировой войны возил из Путилова на баржах бут для строительства Кузьминского моста.

Лидия Алексеевна, а этот brave солдат с фотографии на стене – это Ваш дед или отец?

– История фотографии совсем необычная. В 1914 году, когда отца призвали в армию, Первая мировая война была уже в разгаре. Отец сфотографировался в Ревеле, непосредственно перед отбытием в район боевых действий. Слава Богу, домой он вернулся живой и невредимый. Затем Гражданская, финская, Великая Отечественная... Нашему поколению столько бед выпало, никакому врагу их же пожелаешь. И вдруг, уже после Победы, отец вспомнил об этой фотографии и решил написать письмо в Ревель. Надежды, что картонка сохранилась после стольких войн, не была никакой. Но отец говорил, что такой формы и brave вида у него никогда больше не было. Рисковали. Каково же было наше удивление, когда пришел ответ из Ревельского архива и с ним фотокарточка, которая сохранилась прекрасно, без каких-либо повреждений. Отец ее увеличил, и с тех пор она занимает в нашей семье самое почетное место (действительно, фотография сразу бросается в глаза при входе в гостиную).

А что в Петрушино после революции создали? Как у нас еврейский колхоз появился?

– Не знаю, трудно объяснить. Может быть, потому, что до революции к Петрушино примыкало имение помещика Серебрякова, центральная усадьба которого нахо-

дилась на самом берегу Невы. Там, где сейчас расположен третий карьер и небольшой лесной массив, в котором аллеи акации и белого кустарника, его еще в народе «чаек» называют. Они заложены еще с прошлого века. Помещик был богатым, и крестьяне его тоже не бедствовали – у всех, кто не пил «горькую», были стабильные хозяйства. Именно в дома помещика Серебрякова после революции и переселили евреев, из числа которых был создан еврейский колхоз. Откуда они приехали, сказать не могу, может быть кто-то об этом книги писал, почитайте. Но отличались колхозники большим трудолюбием и чистоплотностью в быту: все у них было как-то естественно выстроено. И не помню, чтобы кто-то из них пьяницей или дебоширом себя показал. Держались они своей общиной дружно – за каждого все гурьбой, «горой».

Расскажите, пожалуйста, немного о Петрушино тех лет.

– Петрушино было совсем не такое, как сейчас. В поселке жило много рабочих, которые трудились на предприятии «Песочный карьер»: ведь тогда песок на мотовозах к пристани подвозили, а на баржи грузили исключительно вручную.

В поселке было три магазина: в колхозе, у клуба, который относился к предприятию «Песочный карьер», и у школы. Школу я помню хорошо, потому что училась в ней сама. Она была начальная, четырехклассная, сперва – одноступенчатая, деревянная. Помню как мы, ученики, регулярно ходили в лес за дровами, чтобы протопить наш класс. Эту школу создала и преподавала в ней семья учителей. Муж, Павел Захарович, был директором и преподавал во втором и четвертом классах. Его супруга, Валентина Ивановна, была первой и третьей классами. Учеников было много, часто не хватало в классе мест, поэтому в 1935-36 годах построили деревянную двухэтажную школу.

В Петрушино была своя больница с небольшим роддомом, вернее сказать – палатами для рожениц, а также покойницкой. Врачи, которые вели прием, жили при больнице, что было очень удобно для нас, жителей. А какие они по человеческим качествам были! На всю жизнь я запомнила сиделку Иду Самуиловну: я к ней води-

ла на перевязки сестренку, которая, заигравшись, обожгла утюгом себе пальчики.

Дорога, которая соединяет сейчас Кировск и Отрадное, была выложена булыжником. Так вот в Петрушино до войны сто(!) домов стояли по обеим сторонам дороги. В финскую войну, помню, по ней нескончаемым потоком шли военные на Ладогу и вели колонны пленных – немцев, латышей, литовцев. Бывало, что часами было узкую дорогу не пересечь из-за бесконечного

1924 года рождения, умерла до Великой Отечественной войны. Вторая сестра, Нина, погибла уже в войну: в 1944 году в Литве ее осколком прорубило. Тем же осколком ранило Зою, мою младшую сестру, она совсем ребенком была, но не смертельно. Брат войну пережил, но умер в 40 лет. Папа до войны в колхозе «Еврозем» работал, а после войны устроился плотником на завод, где и трудился до выхода на пенсию.

– А как вы с Петром, своим мужем, познакомились?

Николай Афанасьев

потока людей и техники. Асфальтовой дорога стала, если мне память не изменяет, только в 1951 году. Мы тогда уже с Петром, моим мужем, в Павлово жили.

Павлово мне было известно с детства: моя мама туда молоко от коровы носила на продажу. Для нас, петрушинских, Павлово было важно и потому, что в нем находилась единственная в округе аптека. А так – обычный поселок, застроенный деревянными домами. Хотя, благодаря заводу, уже до Великой Отечественной войны в нем появился первый пятиэтажный кирпичный дом. Из довоенных построек помню еще здание бани и заводоуправления. Мы любили спортом заниматься – стадион тогда на месте кирпичных домов на улице Новой находился. Первый кирпичный дом находился на месте нынешнего общежития, а молодежи в поселке было очень много, потому что для работы на заводе вербовали со всего Союза.

Жизнь
нашей семьи

Нас было пятеро детей в семье. Старшая, Жена,

милась? Он тоже петрушинский?

– Его семья в Павлово из Великих Лук приехала по комсомольской путевке. В 18 лет Петр ушел добровольцем на фронт. Сначала он учился на Дальнем Востоке на младшего командира. Потом в составе действующей армии дошел до Кенигсберга. Вместе с воинской частью его перебросили на Японскую войну, но пока они ехали в эшелоне – война закончилась. С Петром я познакомилась уже на Павловском заводе, где он работал на мотовозе машинистом. Продолжал трудиться и позже, уже находясь на инвалидности. В 1973 году он умер от инфаркта, а я вот жива...

На Павловский завод я пришла в 1947 году, потому ушла в декрет. А с 1952 по 1979 год я работала на селикатном участке. Двадцать семь лет с утра до ночи – в извести. Работали по графику непрерывного производства. Сначала неделями: неделю в день, неделю в вечер, неделю в ночь. Потом по графику два дня через два, с выходными днями до и после ночных смен. Селикат поставля-

ли нам по железной дороге вагонами из Угловки Новгородской области. Из вагона на склад его выгрузят, а дальше – мы сами, на тележках, вручную. Какая там механизация, кто вообще на заводах после войны слышал о механизации? Нас всего в цеху было шесть человек – четверо на дробилке и двое на подвозке. На мельнице, на складе, работал мельник – он шары по пять килограмм до состояния муки раздроблял. Так что я всю жизнь на вредном производстве – завод нам на год покупал комбинезоны, рукавицы выдавались на месяц и молоко раз в месяц мы получали для поправки здоровья. А дышать-то извещать каждый день нужно было. Вот мы и покупали сами, на свои деньги, вату и марлю на ватно-марлевые повязки. До сих пор помню, торопились в аптеку, а в купале 44 копейки зажато: в те времена столько стоила пачка ваты.

Нам выдали от завода участок под застройку в Лобаново, и в 1958 году мы уже переехали во времянку. Спасибо заводу за то, что нам как работающей на заводе семье выдали 7000 рублей ссуды на строительство. Хотя мы и отдали в итоге 8000 обратно, с учетом процентов, но дом себе все-таки построили. И с водой повезло, наш дом стоит на границе газификации и водопровода. Дома, которые выстроены по нашей улице ближе к лесу, уже считались дачными, и централизованное водоснабжение было уже там не положено.

Николай
Петрович
Афанасьев

Колю (Николай Петровича Афанасьева), я родила в 20 лет. Садиков не было: когда ему исполнилось шесть лет, у него фактически началась взрослая жизнь. Родился он 14 октября, да недаром, видно, в народе говорят, что кто на праздники рождается – у того короткая жизнь. Вот и Коля не стало. А ведь мог еще жить да жить... Он работал до последнего дня и однажды не вернулся с работы.

Коля учился в Павлове, с детства был заводилой и душой компании. Помню, придет он с друзьями, Валей Ефимовым, Сашей Кузьминым и Сашей Бисеровым после уроков, а я такая уставшая после смены, что на ноги не поднимается. Пока приготовлю им что-нибудь поесть, смотрю, а они уже в огороде копаются, грабли пропалывают или поливают – ведь никто и не просил, а отзывчивые какие мальчишки были! Сын с малых лет любил технику, был,

как говорят, «рукастый» – из подручных средств такие удобные приспособления мастерил, что даже отца удивлял, хотя у меня Петр все своими руками делал. Как и многие павловские мальчишки, Коля очень любил играть в футбол. В те годы при стадионе работал сильный спортивный футбольный кружок, так они ездили везде, выступали. У нас в поселке школа-восемилетка была, поэтому среднее образование он получал уже после армии в вечерней школе в Петрокрепости, будущим женатым человеком. Денег всегда не хватало. Помню, когда Коля уже учился в училище в Кировске, всю свою стипендию, 170 рублей, мне отдавал. Другие родители детям одежду, обувь покупали, а что мы купим? Муж тогда уже на инвалидности был, получал пенсию, работал неполный день.

Помню, пришел как-то Коля домой со стипендией, смотрю, а у него у ботинка подошва «на честном слове» держится. Расстроилась я, говорю: «Ты бы купил себе, сынок, новые ботинки». А он в ответ смеется – ты, мамка, не волнуйся, я еще успею в этих отхожу. Просто лужи обходить постараюсь – буду в себе внимательность воспитывать. Для жизни ценное качество, пригодится...

Вернувшись из армии в Павлово, Николай Петрович пошел на службу в милицию, в ГАИ. А когда молодые получили комнату в Петрокрепости, переехал служить по новому месту жительства. Потом родились сыновья: из комнаты молодая семья переехала в квартиру в Кировск. Там он и прожил всю жизнь, часто приезжая в Лобаново к матери.

25 лет прослужил Николай Петрович в Кировске в ГАИ. На службе его уважали. Он дослужился до звания капитана, за многолетний труд награжден медалями и благодарностями, но подробностей Лидия Алексеевна, к сожалению, не знает.

Династию продолжали сыновья Николай Петровича и супруга, много лет проработавшая во вневедомственной охране. Простая жизнь, с какой часто мы привыкли сталкиваться. А люди вспоминают об этом каком-то человеческом «гашинике» с большой добротой и теплотой.

Дом Лидии Алексеевны Афанасьевой часто встречает гостей, родственники и соседи ее не забывают. Она щедро делится воспоминаниями, такими сегодня редкими и ценными свидетельствами из истории нашего поселка.

Светлана
КОЛОДЯЖНАЯ-
ШЕРЕМЕТЬЕВА

«НА ПАВЛОВСКИЙ ЗАВОД ЗА КИРПИЧИ ДЛЯ ИЖОРСКОГО ЗАВОДА НАС РАБОТАТЬ ОТПРАВИЛИ!...»

21 ноября отметила свой 85-летний юбилей жительница поселка Павлово Муллаянова Фарги Минаговна. Представители администрации МО Павловское городское поселение и местного совета депутатов тепло поздравили юбиляра. Когда праздник отшумел, мы встретились с Фарги Минаговной у нее дома и завели неспешный разговор о жизни и поселке Павлово, ставшем ее судьбой.

В казахских степях

«Наши родители родом из одной деревни, станицы Алта-Ата, Саратовской области. Но вся родня по линии матери проживала под Ярославлем. Отец был на двадцать лет старше матери, и во всем опирался на свой жизненный опыт, что не раз выручало многодетную семью: нас было пятеро, старше меня только сестра Фаина, я 1927 года рождения, после меня сестры, а между ними — брат. Родители были простыми работниками, тружениками. Детство мое прошло так, как у многих деревенских ребятшек. Вокруг — степи, степи. Еще до войны, где-то лет шесть мне было, семье пришлось переехать в Казахстан, в город Уральск, где мы и прожили двадцать лет. В десяти километрах от города находились наш колхоз «Сад-Отар». Климат там суровый был — холодные зимы, а лето, наоборот, жаркое, засушливое. Мое детство закончилось, как у многих, в 14 лет, с началом войны. В степи овцеводы пасли скот, работали в стане: такие поселения передвижные были, где людей обеспечивали питанием. Так вот я работала для них водовозом — воду в стан на верблюдах возила.

Колодец от стана километрах в четырех находился. Подвезала я с бочкой к колодцу, привязывала верблюда к ручке, за которую крепилось ведро, и водила верблюда вокруг колодца до тех пор, пока ведро с водой не появлялось на поверхности. Бочка, которую верблюд привозил в стан, вмещала в себя ведер триста. Я же могла и по возрасту, и по тому, как зачерпывалась вода, за один раз только полведра заливать. По приезду в стан сразу по полведра воды поварам выливали, а только потом — на нужды работников. Вот так за день три-четыре раза ездила между станом и колодезем. Надо ли рассказывать, какая усталость наваливалась после такого трудового дня! Ложилась спать в степи рано, но и вставали ежедневно в три-четыре часа утра.

Мы, кроме младшей сестры и брата, всей семьей трудились в колхозе. Отца по возрасту в армию не призвали, но от этого наша жизнь сытнее не стала — колхоз расплачивался трудностями, к которым полагался еще корм для скотины, а у нас была корова и овца. На корову выделяли десять килограммов сена, а овце полагалось намного меньше, корма ей явно не хватало. А тут овца надумала разродиться ягненок. На деревню же надвигался голод, и отец принял тяжелое для семьи решение — он зарезал беременную овцу. Плакали мы всей семьей, матери дома не было, а когда вернулась и узнала, то долго не могла отцу простить, что ягненочка, живую душу загубил. Но у отца своя правда в душе: страхом не жила — в тридцатых годах на его глазах соседи по деревне берегли скот, а сами умерли с голоду: «Пусть скотину зарежу, но мои пятеро детей живыми останутся. Если уже животных съедим, а от голода не уйдем, то тогда и помирать будем. А так, кому скот останется, если хозяйка с голоду сгинет?». Но мяса хватило ненадолго, колхозникам хлебные пайки не выдавались, и я решила зимой 1944 года ехать в город, искать работу. Так и оказалась в строительной бригаде в Уральске. Еще перед отъездом добрые люди важную вещь подсказали. Я взяла справку в колхозе о том, что у меня на содержании четверо иждивенцев: колхозники мать с отцом и младшие брат с сестрой. Для других сестер такая справка не действовала.

В городе я устроилась в бригаду при

железнодорожном депо, маляром-штукатуром работала. Тут нашей семье зажилося легче. Мне, как рабочему, полагалась большая пайка хлеба. По карточке целых 550 граммов в день выдавали. А на иждивенцев выделялось 300 граммов, а у меня ими четверых признали! Килограмм двести граммов хлеба в день — да мы о таком в колхозе даже мечтать не могли! Да к тому же мне еще в первый месяц «открытые» карточки выдавали, т.е. без указания даты получения хлеба.

Помню, прихожу первый раз в магазин — на руках карточки на месяц. И страшно, что пропадут они, или, мало ли что за месяц случится может — хочу сразу все отарить. Я же из колхоза была — мы хлебных карточек видом не выдавали. Продавщица выслушала меня и только руками всплеснула: «Что ты, доченька! Да тебе тележка нужна, чтобы весь хлеб за месяц получить (а его почти 53 килограмма на выдачу получалось). Ты возьми сейчас, сколько сможешь унести, а потом приходи хоть каждый день, пока у тебя дата не проставлена. Когда в карточках день выдачи стоять будет — помни, что получать хлеб ты сможешь только по указным числам, если дату пропустишь — останешься без хлеба». Вот такая добрая душа на пути мне встретилась — она не только ум-разуму научила, но и сумку мне из подручных материалов смастерила. Знала продавщица по своему опыту, что не донести девочке в сумках в военную пору хлеб до дома — отнимут, если увидят в руках, а то и что хуже могут сделать.

«Ты что же, без сумки-то? Как ты хлеб в руках понесешь? А ну снимай юбку!», — приказала продавщица. А мы тогда из-за холодов в стеганых брюках ходили, а юбки длинные на брюки надевали. Вот она мне и завязала узлами юбку так ловко, что весь хлеб внутри поместился, а я домой в брюках пошла. До сих пор ее с благодарностью вспоминаю! Ко мне в гости как раз мать приехала, какое там приехала — пешком из колхоза с саночками пришла. Она хотела посмотреть, как дочка в городе устроилась, а тут как раз я с хлебом! По тоненькому кусочку отрезали, на радость с чаем попили, а весь хлеб мать на саночках в деревню отвезла. Так в тот месяц, пока хлеб без даты выдавали, я хлеб накопила. Мать ко мне до весны раза четыре приходила — хоть немного мы с ней семью в колхозе подкормили.

Но через месяц ситуация изменилась. В городе с меня потребовалась прописка, которую мне не у кого было получить. Бригадир был доволен моей работой, и почему не захотел меня у себя прописать, мне до сих пор непонятно. Но он сказал, что придется мне увольняться. А куда мне возвращаться, в голодную деревню? Не хочу, да и не могу — я же всю семью кормила. Посоветовался тогда бригадир с руководителем и предложил мне устроиться на работу в подсобное хозяйство при депо. Оно находилось тоже в 10 км от города, только в другую сторону от нашей деревни. Рабочим предоставлялось в землянках жилье, но главное — выдавали хлебные карточки и не требовали прописки. Подсобное хозяйство располагалось на разъезде, поезда у нас на пару минут останавливались. Мне там очень нравилось: коллектив небольшой, но дружный, постоянных рабочих было нас человек десять. В помощь депо постоянно присылали рабочих: картошку, корнеплоды перебирать. Я считала, что мне повезло, потому что скоро я стала дояркой трех коров, молоко от которых мы возили паровозикам как допол-

нительное питание. Там же я научилась строить дома из самана. Кирпичей в степи не было, а по климату постройки должны были быть теплыми. Получается, что еще задолго до работы на Павловском заводе я уже вручную строительные материалы изготавливала.

Ручная технология не простая была: рабочие делали замес в чане из воды, земли и соломы. Потом связывали за хвосты лошадей и водили их по кругу — животные вместе бетономешалки работали. Когда смесь превращалась в густую массу, в нее добавляли глину, смачивали квадратную форму из досок водой и вдвоем выливали содержимое чана в форму. Чтобы не было пустот по углам, рабочие вручную забивали углы глиной. Как только масса приобретала форму, доски сразу снимали, а «кирпич» оставляли сохнуть под солнцем. Если замесили грязь, то очищали ее с еще сырых заготовок скребком. Затем смачивали доски водой и заливали следующую порцию. Вот из этих кирпичей-саманов и строили в Казахстане дома. В конце их промазывали глиной изнутри и снаружи, такие теплые они получались!

Вскоре умер отец, а мать, чтобы не оставаться одной в чужих краях, переехала со всеми детьми к родным под Ярославль. Фарги Минаговна осталась на разъезде, в 1948 году вышла замуж за обходчика Ивана, и в декабре 1949 года у них родилась дочь. По тем временам рождение ребенка отсрочкой от армии не давало. И понимая, что в любой момент может остаться с грудным ребенком одна, без возможности работать, она уговорила Ивана поехать за своей матерью. Билет на поезд мужу полагался бесплатный, Фарги Минаговна с ребенком оформилась как иждивенцы, так они и проехали полстраны. На станции Козьмодемьянск, что по Московской железной дороге в 18 км от Ярославля, молодых ждала многочисленная материнская родня. Нашлось и жилье у дяди — казалось, жизнь налаживается. Но не все так просто. Особенно, когда по молодости ветер в голове гуляет... В июне дочка заболела, и Фарги Минаговна легла с ней в больницу. Туда и стали до нее доходить слухи о том, что молодой муж дома не ночует и соседку после работы с фабрики встречает. Не выдержало сердце обиды, объяснила Фарги Минаговна врачу, в чем дело. И отпустил ее врач на один вечер — наверное, жалко стало молодую мать, годы-то послевоенные, мужиков всех война подкосила... Собирались они со старшей сестрой Фаиной, которая на одной фабрике вместе с соседкой работала, на разлуничку посмотреть, а то вдруг завистники наговаривают! Вот стоят молодые женщины в сумерках, ждут, а навстречу муж в обнимку с соседкой идет, не скрываясь, целуются. Как жену увидел, оторопел, а потом такого стрекача дал, что и соседку бросил. Видимо, много было на лицах сестер написано...

Наломали мы ей бока, конечно! Понятно было бы еще, если бы она была одиночка. Так она же замужняя, только муж далеко от дома находился, — рассказывает Фарги Минаговна. — Да что толку! Не смогла я Ивана простить, мы разошлись. И начала я жизнь с чистого листа, да еще с дочкой на руках. Низкий поклон моей тете. Она меня поддержала, полностью взяла на себя заботу о ребенке, чтобы я смогла на работу устроиться. Тетя

денег не просила за присмотр, но я ей все равно три рубля платила. Когда удалось устроиться на фабрику «Красные ткачи», я познакомилась с женщиной, моей напарницей, которая круто изменила мою жизнь».

Вербовали в Ленинград, а оказалась в Павлово

«И что мы здесь с тобой сидим! Ребенок у тебя подрос. А тут вербуют на заводы в Ленинград, поехали!» — заявила однажды напарница, и Фарги Минаговна призадумалась. Шел 1952 год, дочурке уже два года исполнилось. Можно было на что-то решаться. Большой город — большие возможности.

На Московский вокзал из Ярославля прибыл целый состав, как бы сейчас сказали, трудовых мигрантов. В основном молодежь рабочих специальностей. Всех собрали на площади перед вокзалом. Ленинград поразил приехавших сразу, притихли с неприязнью, ждали вербовщиков с заводов и фабрик. Ушла напарница, уговорившая ехать, исчезла сразу, подавив на прощание ценный совет — не отзываться на первые предложения о работе, а ждать «лучших вариантов», которые якобы появятся в конце вербовочного дня. У нее, как оказалось, в Ленинграде жили родственники, и вербовку она использовала только для того, чтобы до них как-то добраться. Фарги Минаговна терпеливо прождала до вечера. Их оставалось человек двадцать с поезда, когда прозвучала команда продвигаться к электричке. Так они оказались в Понтонном, потому что квота на рабочие места на предприятия Ленинграда была выбрана. Барак, в котором жили приезжие, сохранился до сих пор. Оттуда их ежедневно возили на восстанавливаемый Ижорский завод, из помещений которого рабочие вывозили бесконечный строительный мусор.

И — опять поворот судьбы: Фарги Минаговна еще в поезде познакомилась с Клавдией Конаваловой, которая, услышав о наборе людей в июне на покос, предложила поехать вместе. «Да что ты, я и косить-то не умею!» — пыталась отговориться Муллаянова. Но в этой раз ей с подружкой повезло больше. Клавдия не только уговорила, но и нашла для Фарги Минаговны работу: сушить и раскладывать сено. А год был холодный, дожидный. Сенокосцев ежедневно возили из Понтонного в Малуксу, и не раз заглядывались подружки на Павловский завод, находившийся напротив магазина, в котором по дороге они делали короткую остановку, чтобы купить продукты...

По окончании сенокоса в отделе кадров Ижорского завода им сказали, что группу из пяти человек временно направляют на Павловский завод, которому тогда не хватало рабочих рук и который обещал за это кирпич для нужд Ижорского завода. Планировалась командировка на месяц. Подруги с радостью согласились. Когда месяц стал к концу подходить, они с опаской ждали отзыва обратно — не отзывали. Работницы приободрились — им было что терять: за работу на Ижорском заводе им платили 350 рублей в месяц, а в Павлово они получили 1000 рублей! И неважно, что они работали сутками на разгрузке почти без выходных. В те годы везде народ так трудился — страна поднимала разрушенное войной хозяйство. До мая команда из Понтонного отработала в Павлово. Перед возвращением Клавдия и Фарги Минаговна договорились с начальником отдела кадров Павловского завода Иваном Ивановичем Беляковским о том, что их примут на работу после расчета на Ижорском заводе. Тот сразу же согласился — работающие, старательные ярославцы заводу были ох как нужны! Каково же было их удивление, когда в отделе кадров Ижорского завода командированным сообщили о том, что их рассчитали еще в феврале!

20 лет работы электровозчиком

В поселке Павлово Фарги Минаговну сразу приняли хорошо. Клавдия поселилась в общежитии, а Фарги получила койко-место в жилых комнатах, выделенных для рабочих в здании заводоуправления, напротив помещений бухгалтерии. Через год в Павлово стала подтягиваться вся семья. Здесь же Фарги Минаговна познакомилась со своим вторым мужем, башкиром по национальности, Ханисом Муллояновым, который приехал к своей сестре, работавшей на силикатном участке. Вместе они прожили долгие годы и родили двоих сыновей. Тридцать семь лет отработала Фарги Минаговна на Павловском заводе строительных материалов, из них больше двадцати лет – электровозчиком.

Я до сих пор считаю: мне очень повезло, что я попала в Павлово. Поселок все эти годы был тем местом, где людям действительно жилось хорошо. Конечно, надо сказать большое спасибо руководству завода, которое заботилось о рабочих. Это было ясно для меня с самого начала, когда, живя в бараке, я год могла держать

в дальних сараях корову, – вспоминает Фарги Минаговна. – Я бы и дальше от нее не отказалась, да Хрущев отнял своим постановлением об объединении города и деревни и запрете содержать личный скот.

В разговор включается младшая сестра Роза, тоже жительница поселка Павлово с 1957 года: «Мне особенно и сравнить-то не с чем, я приехала в Павлово шестнадцатилетней девушкой. Но такой дружной, зазорной молодежи, наверное, нигде не было. Каждую неделю у нас на улице перед общежитием танцы под гармонь проходили. Завод возил нас, молодежь, постоянно в театры, музеи. Все поездки были бесплатными – транспортом завод обеспечивал. Была у нас и своя знаменитость: один из жителей Петрушино был профессиональным музыкантом, так мы на его концерт в Малый зал Ленинградской филармонии от завода ездили. А какие искренние отношения были между жителями! Когда кто-то получал жилье, то всем миром бесплатно помогали с переездом».

В поселке каждая нуждавшаяся семья была обеспечена отдельным жильем, причем социальная политика выдержива-

лась и в начале 90-х, когда повсеместно разрушенная экономика влияла на свертывание или значительное сокращение социальных программ.

«Я вот сначала ордер в блочный дом получила, но через некоторое время, когда 11-й дом сдали, мне новую квартиру предложили. Пожила я там немного и поняла, что не могу я без дома. И обратно попросила жилье в доме – так мне его сразу и предоставили. В то время нас уже семь человек здесь было – присоединилась и дочка с ребенком после выхода замуж».

Именно из-за дочери Муллоянова вышла на пенсию, хотя ее не отпускали, да и здоровье позволяло еще поработать. Муж дочери – моряк, на полгода уходил в плавание, а ей одной трудно было с ребенком без яслей. Вот и решила ба-

бушка высвободить маму и отпустить ее на работу – вспомнила она те времена, когда помогла ей родная тетя ребенка поднять...

Трудолюбие и природный оптимизм помогли Фарги Минаговне в 90-е, когда держала она в сарае на своем участке шесть коз, – поднимала, как могла, своих внуков. Пили ее козье молоко и малыши в поселке. А жизнь была непростая – пришлось ей на старости лет стать опекуном и своего правнука, круглого сироты. Не испугалась за свое здоровье – кто же еще ему поможет? А теперь она может им гордиться. Сейчас Эдуарду уже семнадцать лет, его любят в поселке. Он учится в 77-м училище на автослесаря-механика. Значит – не зря старалась прабабушка, ей удалось воспитать хорошего человека.

Я познакомилась с Фарги Минаговной Муллояновой на чествовании победителей поселкового этапа конкурса «Ветеранское подворье-2012». Поразил не ее кабачок-гигант, обладатель дополнительной номинации, а то, что она активно занимается огородом, в последние годы передвигаясь исключительно на костылях. А еще ее сестра, Роза, сообщила мне о необыкновенно вкусных пельменях, встречи с которыми нетерпеливо ждут родственники за каждым общим праздничным столом.

Светлана КОЛОДЯЖНАЯ-ШЕРЕМЕТЬЕВА

Я СТРОИЛА ДИОРАМУ И ЛАДОЖСКИЙ МОСТ...

14 января исполнилось 70 лет Марии Николаевне Ивановой, жительнице «Мостоотряда-77». Судеб неинтересных не бывает, но у наших земляков – поистине особенные биографии. Мария Николаевна рассказала «Вестнику» об истории нашего края, создательницей которой ей посчастливилось стать.

Семья

Наша героиня родом из Брестской области Белоруссии. А о предках Марии Николаевны можно написать отдельный рассказ: ее прадед, отставной немецкий генерал, когда-то был пленен красотой простой польской девушки, а их дочь по любви вышла замуж за белоруса-вдовца с двумя детьми, известного деревенского кузнеца.

В семье родителей Марии Николаевны было семеро детей. Войну она помнит плохо. Одним из ярких впечатлений осталось в памяти, как однажды, спасаясь от бомбежки, все побежали в болото, а ее забыли под березой. Когда вспомнили о Марии, пришлось ее от свиней отбивать: те чуть маленькую девочку не съели, голодно было в то время и людям, и животным...

Личные хозяйства в приграничных областях были небольшие. Слушаешь – и удивляешься, насколько в то непростое время по-разному жили люди! Родители Марии Николаевны имели большой дом, хозяйство, состоявшее из коровы, поросят, кур и гусей. Мать на выделенном участке в поле выращивала картошку и держала огород в 30 соток. К тому времени отец уже работал налоговым агентом – деревня-то была более 100 дворов.

Из послевоенных воспоминаний, конечно, основным стало посещение школы-семилетки, в которой физкультура оставалась неизменно любимым предметом. И бесконечные толпы «менял» – жителей разоренной войной Украины, приходивших обменивать имущество, в основном тряпки, на белорусские продукты. После окончания школы Мария недолго поработала в колхозе телятницей. А в 19 лет вместе с подругами она поехала по комсомольской путевке в Казахстан. Приняли девушек в «Павлодарстройпуть», который прокладывал дорогу в Монголию. Вот такой зигзаг сделала ее судьба: перенесла из привычной жизни почти в Европе – граница с Польшей находилась в десятках километров от деревни – в самое сердце Азии...

Сначала новобранцы работали путейцами. Там же, на работе, Мария Николаевна освоила специальность штукатур-маляра. Поселок строителей находился в пригороде Ерментау. По комсомольской путевке молодежь приезжала со всего Советского Союза. Из Новгородской области в Казахстан приехал и ее будущий муж, Владимир Иванович Иванов.

Познакомились они случайно. В комнате общежития Мария Николаевна жила с двумя соседками. Другие девушки быстро познакомились с парнями, а она была все одна, наверное, природная скромность мешала... И вот друзья соседок вдруг привели Владимира Ивановича просто так поболтать, а по сути – с ней познакомиться. Он был на шесть лет старше, трудился там же электриком.

– До сих пор не знаю, почему я на нем остановилась, – с улыбкой говорит Мария Николаевна. – Наверное, что-то почувствовала. Он всегда на хорошем счету был на работе – основательный, надежный.

Молодоженам дали квартиру в отдельном домике, а вскоре появились дети-погодки, сын и дочь. Владимир Иванович работал в организации, которая оборудовала помещения, построенные бригадой Марии Николаевны. А дальше началось их путешествие по Средней Азии. Его перевели в Коган под Бухару, потом в Суперное, где Мария Николаевна работала штукатуром-маляром. Жили непросто: щитосборных домиков ночью холодно, днем – нестерпимая жара. Радовало то, что Владимир Иванович, постоянно занимаясь самообразованием, рос по службе: стал механиком. Работы было много – строили дома, объекты по железной дороге, вокзальные помещения на станциях. Часто прямо к месту строительства с гор спустились басмачи – колоритно одетые местные жители. Так до 70-х годов супруги и прожили в Средней Азии.

Павлово

В наши края Ивановы приезжали часто в отпуск. Во время одного из посещений Владимир Иванович узнал о том, что будет строиться Ладожский мост, для строительства набирают электриков.

Переезд был скорым. Строителей моста поселяли в браки. Нашлось применение и специальности Марии Николаевны. Так супруги Ивановы оказались стоящими у начала строительства Ладожского моста. Техника безопасности в те годы была на низком уровне.

– Мы пошли на обед. Тем временем для опоры моста выкапывали котлован. Паренек, помню, молодой работал и что-то у него в механизме заклинило. Он, видимо, на обед торопился, вышел из кабины, подошел вплотную к гусеничному механизму и в сердцах пнул его ногой... Его затянуло гусеницей и обрезало ногу... Из нас даже никто помочь не смог – все были на обеде.

А сколько строителей вниз падало! Страховки несовершеннолетние были, а чаще всего от своей беспечности страдали люди.

– Вот так мы, строители «Мостоотряда-77», и построили музей-диораму, – подытоживает она. – Отделявали опоры и все остальное тоже.

На пенсию Мария Николаевна вышла в 1998 году. Но не захотела она без дела сидеть на пенсии: наконец-то

пришло время для занятий любимым рукоделием – вышивкой. Какие салфетки, скатерти, изделия выходили из-под ее рук! Недаром ее труд был отмечен почетными грамотами «Мастер – золотые руки» в семи выставках творчества пожилых детей и инвалидов Ленинградской области, в том числе. Примечательно, что в 2008 году на выставке «Добрых рук мастерство» была отмечена и ее техника резьбы по дереву.

Чтобы радость была!

– А молодежи хочется пожелать, чтобы радость была, – делится Мария Николаевна. – Тогда будет энергия работать, и все хорошо будет в семье. А еще хочется, чтобы любили друг друга и уважали стариков и старших.

Для нее это – не просто слова. Судьба сложилась так, что после смерти дочери вырастила она замечательного внука. И горечь утраты утихает, когда она глядит на его успехи: внук выбрал профессию юриста и успешно работает по специальности.

Люди – главное богатство поселка И глядя на Марию Николаевну, понимаешь: счастье в том, что ты живешь на родной земле, и твоим трудом создается ее история.

Светлана Колодяжная-Шереметьева

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Коллективы Павловского ДК поздравили ветеранов в Саперном

28 января ведущие коллективы Дома Культуры поселка Павлово по приглашению коллег из Саперного провели концерт для ветеранов, посвященный 70-летию прорыва и 69-летию полного снятия блокады Ленинграда.

В концерте приняли участие народный самодеятельный коллектив ансамбль танца «Карусель», хореографический коллектив «Мозаика», народный самодеятельный коллектив хор «Невские голоса», вокальный ансамбль «Сударушка». С сольными номерами выступила молодой талантливый педагог-вокалист Анна Титова.

Ветераны остались довольны творческим подарком наших земляков, а коллективы ДК продолжают серию интересных выступлений на площадках района и области.

Маргарита ХАРИТОНОВА,
фото автора

ЛЮБОВЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Павловчанка Антонина Алексеевна Петрова, относится к тем немногим старожилам, на глазах которых поселок поднимался из руин после Великой Отечественной войны. Об ее непростой судьбе, о том, что война, разрушив ее любовь, не смогла лишить ее семейного счастья, мы расскажем вам сегодня.

15 февраля 2013 года Антонина Алексеевна Петрова отпраздновала 95-летний юбилей. После того как отзвучали многочисленные сердечные официальные и неофициальные поздравления, юбилярша рассказала о том, как ей удалось на едином дыхании прожить почти столетие. Что ее поддерживало в трудную минуту, где и в чем она находила силы для себя и членов своей большой и дружной семьи. У нее удивительный лучистый взгляд. Взгляд, который, несмотря на почтенный возраст, таит в себе энергию и искренний, глубокий интерес к жизни.

Путь длиною в 95 лет

Антонина Алексеевна Денисова родилась в деревне Дубровка Плюсского района Ленинградской области (ныне — Псковской) в семье: кроме четырех дочерей, в доме родителей жили дед и бабушка. После недолгой работы в колхозе отец с матерью переехали на хутор, где завели свое хозяйство. Антонина себя помнит с двухлетнего возраста: картинки из детства связаны с непрерывным тяжелым трудом на земле. Сызмательства до пятнадцати лет Антонина Алексеевна помогала родителям. Будучи подростком, работала в колхозе, одновременно обучаясь в школе. В Большом Захонье, где находилась «семилетка», было много молодежи. Вместе со сверстниками и решила девушка поступать в педагогический техникум в Луге. Выбор был не случайным — профессия учителя имела высокий престиж в ее краях. Отучившись три года, с направлением молодого специалиста, Антонина Алексеевна приехала в животноводческий колхоз в Плюсском районе. Но учительствовать пришлось недолго. Здесь она познакомилась с красивым местным парнем Владимиром Александровичем Петровым. Петровы поженились, и вскоре у них родился сын Валентин. Молодая учительница, выйдя из декрета, в школу не вернулась, а устроилась работать на почту. Владимира Александровича вскоре призвали на действительную военную службу, с которой он уже не вернулся...

А дальше была война

— Прихожу как-то летом на работу, а все вокруг бегают и молчат, — вспоминает Антонина Алексеевна. — Я пошла сразу к начальству, потому что на моих

руках касса с общественными деньгами была. Прихожу, а он мне и говорит, мол, вот тебе бумажка на поезд — эвакуируйся! Кассу поскорее закрыла, даже свою зарплату не взяла — и бегом в исполком. А они в эвакуопоезд меня не пускают! Говорят, что не положено, мол, вы — военнообязанная. Спасла женщина сзади меня, урезонила исполкомовское начальство: рассказала, что я беременная. У меня самой-то язык не повернулся бы об этом говорить.

Времени у нее оставалось немного. Бегом вернулась в деревню, чемоданы собирать было некогда. В простыню, узлом, завязала кое-какие вещи для будущего ребенка, а себе только и взяла легкую плюшевую курточку.

Вышли они на дорогу: бабушка, дедушка, на руках старший сын и она на пятом месяце беременности. Старик — люди запасливые, в дорогу сунуток взяли. А кто его понесет? Даже если бы она очень захотела им помочь — не было на то ни сил, ни времени. Выручила случайность. У спуска к реке, которая текла вдоль дороги, стояли машины. Водители заправлялись холодной водой. Вот их-то и попросила Антонина Алексеевна подвезти нехитрые пожитки до вокзала. Когда Петровы прибежали пешком к оговоренному месту отправления состава, то вещи их уже ждали на привокзальной площадке — среди всеобщей суматохи никто на чужое добро не обратил внимания. И опять незадача: поезд отошел на запасной путь. Пришлось уже с вещами, снова бегом, по шпалам преодолеть еще один километр. Спасло только то, что состав опоздал с отправлением...

Сначала людей повезли в Рыбинск, но там и без них было полным-полно других эвакуированных. Дальше дорога лежала только в Сибирь, а люди — в легкой летней одежде, большинство из них успели взять с собой только документы. Недолго посоветовавшись, отправили телеграмму из эвакуосостава лично товарищу Сталину. Ответ был получен в течение пары дней — поезд направили в Чувашию.

Шоркасы, Ишаки: телетайп, печка и молоко

Ох, как непросто было оказаться после родной Псковской земли в Поволжской глубинке! Шоркасы — само название трудно выговорить. Вокруг все полочут по-чужацки, природа — и та непривычная... Бородатые мужики-колхозниками тоже с удивлением

рассматривали приезжих. Председатель колхоза, в который их определили, оказал Антонине Алексеевне особый знак внимания: для встречи беременной эвакуированной псковитянки с малым ребенком на руках он подал рессорную тележку. В деревне нашлась пустая избушка, хозяин которой ушел на фронт, туда их и поселили. Первые два дня местные жители потчевали приезжих, кто чем мог. Дед устроился в колхоз, Антонина с бабкой — жать рожь и овес. Вот здесь и пригодились молодой женщине умение заниматься крестьянской работой. Председатель колхоза, приезжая в их необычную бригаду, все удивлялся, как это они столько скали, старуха да молодуха «на сносях». Такая маленькая ручка, в его понимании, и серп-то удержать не могла! Вдвоем с бабкой они еще и картошку на зиму сумели запастись: на колхозном поле при сдаче девяти ведер картофеля десятое им выдавали бесплатно для личных нужд.

В ноябре 1941 года Антонина Алексеевна родила младшего сына. Побывать в декрете удалось только месяц. Но в поле она после родов не вернулась. К тому времени единственного в колхозе счетовода призвали в действующую армию, кроме него оставались только мальчик-помощник, и ее назначили вместо мобилизованного сельчанина. Место было глухое — первый месяц она носила на ослике сыночка в бонинулу за три километра. Шла пешком, и на пути ставила веши, чтобы суметь вернуться обратно. Вскоре Антонина Алексеевна пришлось переехать в Ишаки — ушел на фронт начальник почты. Без присмотра, кроме корреспондентки, остались телеграф и коммутатор на 30 номеров. Изменилась и ситуация в семье — старикам пришлось развешаться с невесткой и внуком. Дед должен был работать конюхом в Шоркасах, а бабушка вернулась из Ишаков к нему после того, как из блокадного Ленинграда по «дороге жизни» чудом вывезли ее дочь с внуком. Антонина Алексеевна осталась одна. Начальник почтамта с двумя крохотными сыновьями на руках.

Трудно представить, как она со всеми делами успевала справляться. Помогали во многом внешние благоприятные обстоятельства. Разве не чудо, когда посреди военного лихолетья, на рабочем месте, которое было одновременно и жильем, вдруг разместился районный пункт по сдаче колхозного молока?

— Мы с сыночками жили в закутке, — рассказывает Антонина Алексеевна. — Посреди избы стояла русская печка, с одной стороны стенки работали телетайпистки, с другой располагались наше «жилье». Чуть что — мальчиков на печку посажу, сама схожу, проверю, как в зале у девочек дела. Потом вернусь,

сяду к окну. Правой рукой работаю, а на левой — грудной сынишка спит. А как нам этот сборный молочный пункт помог, даже трудно выразить словами!

Кочевые послевоенные годы

В 1942 году Плюсску освободили от фашистов, и псковский эвакуопоезд отправился из Чувашии в обратном направлении. Домой они приехали в теплушках. Добиралось долго, пропуская вперед все военные составы. Антонина Алексеевна вернулась в колхоз, где жила после замужества, и снова поступила работать на почту. Ежедневно она бегала в обед по два километра туда и обратно до дома, чтобы покормить сыновей. Вскоре освободилось место делопроизводителя в милиции, но проработать там пришлось недолго: за симпатичной секретаршей стали поочередно ухаживать два молодых оперативника — оба горячие, безразсудные. Она пошла к начальнику, пока беда не случилась, и написала заявление. Рабочее место нашлось только в Плюссе на Мостопоезде. Сыновья подрастали, требовалась хорошая школа и она, махнув рукой на страх неизвестности, поехала ближе к Ленинграду, в Павловск. С малолетними детьми приютити ее в общежитии. Там Антонина Алексеевна и осталась работать коммандантом. Вскоре контролеры перевели в Ленинград. Наступило лето, и она отправила сыновей в Дубровку. Обратно возвращать их было небезопасно — общежитие мужское, она весь день «в бегах», мало ли у кого рука на детей поднимется! Испортит им жизнь, и спросить будет не с кого!

— Пришла я к начальнику с заявлением об увольнении, а он — ни в какую! — вспоминает Антонина Алексеевна. — Я, говорю, жилье вам дам!

Да кто же в Ленинграде так быстро жилье получает!

В мужском общежитии работала уборщицей павловчанка. Она и подсказала, что на Павловский завод набирают людей и дают жилье. Раздумий долгих не было — ехать!

Павлово

Приняли Петрову на Павловский завод в цех готовой продукции — на пода-

ваемые платформы и вагоны в поселке нужно было собирать людей для погрузочно-разгрузочных работ. В вагонах привозили необходимую для производства кирпича известь. Через месяц работы завод предоставил ей с сыновьями две комнаты. Так с 1947 года Павлово стало для Антонины Алексеевны родным домом. Одинадцать лет она отработала мастером на заводе. Главное воспоминание тех лет — замечательные люди, которые ее окружали.

— У меня стал болеть желудок, сказала я, что свою рабочую пайку, 200 г хлеба, я отдавала детям, — рассказывает Антонина Алексеевна. — На свои деньги я могла купить несколько картофелин, которые жарила на рыбьем жире, чтобы сыночки хоть какие-то витамины получали. Так вот желудок и дал о себе знать через несколько лет. У заместителя директора завода Левина была жена — замечательный врач, она три года меня в санаторий, на грязь и воду, отсылала. Просто подняла на ноги!

После получения отвода от тяжелых работ она перешла в отдел сбыта на выписку счетов на кирпич. Незаметно подошло время пенсии. Сидеть дома она не хотела. Сыновья женились и давно жили отдельно. В соседнем доме, в «семерке», располагался промтоварный магазин, в него и устроилась в 1973 году Антонина Алексеевна продавцом в отдел мебели. Семь лет в магазине пролетели незаметно... Именно в магазине однажды она повстречалась с Антониной Васильевной, которая стала на долгие годы ее верным другом, почти родным человеком. Многие павловчане знают Антонину Васильевну как фармацевта и работницу местной аптеки. Антонина Васильевна пригласила Антонину Алексеевну работать кассиром и вести бухгалтерскую книгу.

— Был такой случай. Снимаю кассу, а в ней — избыток в сумме 500 рублей, — продолжает рассказ Антонина Алексеевна. — Деньги немалые. Пробили мы чек, сумма снова совпала с избытком. Ко мне за честность Антонина Васильевна прониклась еще большим доверием.

Вот так, год за годом, отработала Антонина Алексеевна Петрова на благо поселка Павлово пятьдесят шесть лет!

Любимый муж и семья

Владимир Александрович Петров. Он был ее единственным мужем, отцом ее сыновей и человеком, которого Антонина Алексеевна любила и, наверное, в тайне надеясь, что он живой, ждала долгие годы, до получения официальных документов: До сих пор на самом почетном месте в маленькой уютной квартире на серванте стоит фотография, на которой браво военный как будто только что вернулся с поля боя...

Владимир Петрович должен был демобилизоваться осенью 1941 года. А летом началась война. Его убили в ноябре 1941 года, он так и не узнал о том, у него родился младший сын. Все послевоенные годы он числился «пропавшим без вести». А это значит, что его вдова не получала никакой помощи от государства, а дети росли с «пятнами» на биографии. Ему было тяжело, судьба сыновей была драматична: в 1937 году, когда на него стали известны подробности его гибели. Владимир Александрович Петров умер от ран и заражения крови в одном из прифронтовых госпиталей. Кто-то вначале написал за него открытку родным о том, что он живой. Потом Петрова многократно перевозили из госпиталей в госпиталь до тех пор, пока он не умер от заражения крови. Это случилось в 1942 году.

У Антонины Алексеевны Петровой ныне два внука, пять правнуков и одна праправнучка. Семья очень дружная. За сговоркою постоянно ухаживает невестка Нина. Жена внука Лилия — офтальмолог, живет и работает в Кировске. Она помогла Антонине Алексеевне сохранить зрение. Тепло сердце близких согревает ее долгие годы.

— Я очень хочу пожелать молодым, чтобы они любили Россию, — подытоживает свой рассказ Антонина Алексеевна, — умножали свои знания и работали для соиздания.

Маленькая, хрупкая русская женщина, пережившая все невзгоды. Простая судьба человека, украсившего своей биографией Павлово, которое стало ее родным домом. Общась с этим поколением, понимаешь, как повезло нам, живущим рядом с этими людьми. Потому что их рассказы — наша живая история.

Светлана
КОЛОДЯННА,
ШЕРЕМЕТЬЕВА

Мастер на все руки

Ветеранам павловского кирпичного завода хорошо знакомо имя Виктора Ивановича Гусева, токаря-профессионала и, без преувеличения, — мастера на все руки. Да и как можно быть другим, имея пятерых дочерей!

Все начинается с детства

Виктор Иванович Гусев родился 2 января 1946 года в Ярославской области, в деревне с необычным названием Дорпатра. В многодетной крестьянской семье, кроме него, было еще четыре сына и три дочери. Отца Ивана Евгеньевича ценили в колхозе как знатного тракториста. Именно от него передались Виктору Ивановичу и любовь к технике, и «золотые» руки. Малая родина Гусева — 7 домов, колхозные поля да школа-семилетка в Кладово, в которую за 3 километра ходил Виктор Иванович пешком в любую погоду.

Отец на фронте был ранен. Поэтому дети помогали матери управляться с большим подсобным хозяйством — коровой, теленком, овцами, курами.

Работа в колхозе за «трудодни» заполняла будни, но юношеские мечты уносили далеко от дома. Вскоре случай представился: на побывку домой приехал тезка, двоюродный брат Виктора Ивановича, который к тому времени несколько лет поработал на целине. Он и уговорил пятнадцатилетнего Гусева поехать с ним на работу в Рузаевский район Кокчетавской области. Так Виктор Иванович стал трактористом в четвертой бригаде Нежинского зерносовхоза, руководил которой его двоюродный брат. Работа эта была хорошо ему знакома: с двенадцати лет Гусев сидел за штурвалом трактора. Члены бригады собрались на целине со всего Союза. Работали «с огоньком»: пахали, севали. Кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, но через год пришлось возвращаться обратно: из дома пришла телеграмма, что тяжело заболел

отец. Некоторое время Виктор трудился в Согоже на сплаве: на трелевочнике подвозил бревна к платформе, там их разрезали и укладывали на плоты. Оттуда же Гусева призвали в армию. Три года Виктор Иванович прослужил в артиллерийских войсках в Германии, где охранял аэродромы. Его подразделение дислоцировалось на точке девять месяцев, затем переводилось на другой объект.

На ленинградской земле

После демобилизации Виктор Иванович не стал возвращаться в родные края, а поехал в Ленинград, где уже жила сестра с семьей, а также тетя и дядя. Именно родственники и устроили юношу на работу на завод подъемно-транспортного оборудования им. Кирова. В 21-м механическом цехе не хватало токарей-карусельщиков, поэтому можно сказать, что не Виктор Иванович выбирал специальность, а она его. Гусев овладевал профессией без отрыва от производства. Проживал в общежитии, а на выходные приезжал в Павлово, где также жили его родственники. В доме своей двоюродной сестры молодой человек и познакомился с будущей женой Татьяной Васильевной Курочкиной. Они долго встречались, танцевали в местном клубе. И вот уже почти 45 лет идут по жизни рука об руку. О крепости семьи Виктора Ивановича и Татьяны Васильевны говорит то, что они родили и вырастили пятерых замечательных дочерей, а сейчас помогают поднимать внуков.

После свадьбы Гусев вернулся в Ленинград. Но жизнь на

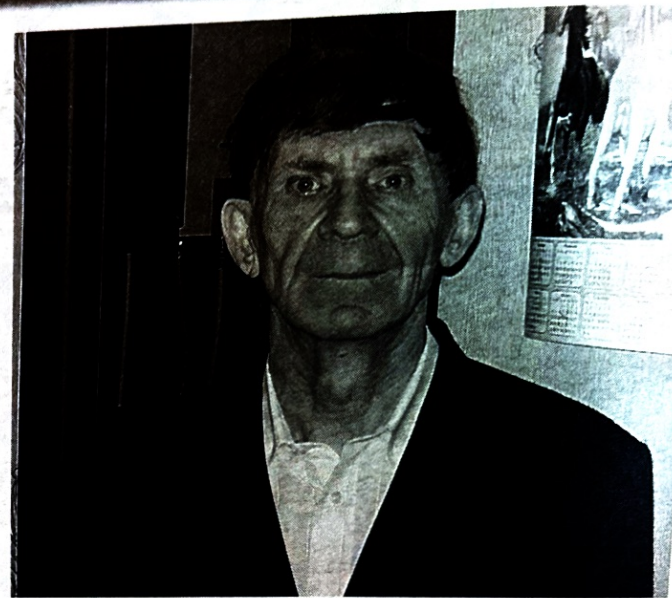
два места долго продолжаться не могла, и в 1970 году Виктор Иванович, окончательно переехав в Павлово и поступив на работу на Павловский кирпичный завод. Тридцать три года трудился Гусев в механическом цеху Павловского кирпичного завода.

— Коллектив был дружный, работающий, — вспоминает Виктор Иванович. — Нас было 45 человек, как одна семья — и на работе вместе, и праздники сообща отмечали, и дети — свои и чужие — на глазах выросли.

Не только работа интересовала Виктора Ивановича: он решил, что надо получить среднее образование, и закончил без троек вечернюю школу в Отрадном. А в 1973 году в его жизни появилась одушина: в Доме культуры энтузиаст-музыкант Геннадий Зиновьевич Чиж организовал народный самодеятельный хор «Невские голоса». С этим коллективом были связаны многие годы творчества Гусева. Он был солистом коллектива и часто радовал зрителей своей игрой на баяне. А в свободное время — просто не верится, что оно было при таком загруженном графике работы — Виктор Иванович в составе членов ДНД в ГАИ и при местном опорном пункте охранял порядок в нашем поселке.

С 2003 по 2006 год вместе с Григорием Петровичем Гусевым Виктор Иванович работал водителем во Мгинских тепловых сетях, а после назначения Григория Гусева главой администрации Павловского поселения вернулся и продолжил трудовую деятельность в администрации поселка.

В 2012 году Виктор Иванович Гусев вышел на пенсию, но продолжает активно интересоваться жизнью поселка.

«Все самое лучшее у нас — от папы»

Так говорят о нем давно уже повзрослевшие дочери. Именно сейчас они понимают, как непросто было поднимать ему многодетную семью и почему он сутками «пропадал» у своего карусельного станка.

— Я помню, как маленькими мы постоянно приходили к отцу на работу, — делится детскими впечатлениями младшая дочь Екатерина. — У отца в углу цеха стоял огромный ящик с использованной ветошью для обтирки станка, так мы там всегда находили себе поскутки, чтобы сшить куклам платья.

Там же, в цеху, девочки с мамой часто посещали сауну, которая находилась на верху здания. В качестве игрушек нередко использовали стружку, не понимая, насколько она опасна для детских ручонков. А вместо детской машинки у них был подъемник, разъезжавший вдоль цеха.

Немного легче стало, когда семья получила квартиру в одном из последних построенных заводом для своих работников домов. Быт в порядке — и на душе веселее.

И всегда Виктор Иванович был окружен друзьями. Вместе с семьей часто ездил за грибами, а в короткие минуты отдыха постоянно что-то мастерил — то часы отремонтирует, то полку выстрогает. И, конечно же, светлую атмосферу в доме помогла сохранить его жена, Татьяна Васильевна, верный друг и помощник.

В наше время не часто встречаешь людей, с которыми приятно общаться. Виктор Иванович Гусев — один из тех, от кого заряжаешься добротой и оптимизмом. Он прожил непростую жизнь, но сохранил доброе отношение к окружающим его людям. Казалось бы, сейчас, находясь на пенсии, он может немного передохнуть. Но нет, Гусев помогает поднимать внуков, поддерживает добрым словом и мудрым советом своих повзрослевших дочерей, не отказывает в помощи друзьям и знакомым... И, глядя на Виктора Ивановича, понимаешь, что не время формирует человека, а человек создает судьбу своими руками. И Павлово богато такими людьми. Именно они останутся в истории нашего поселка.

Светлана Колодяжная-Шереметьева
Фото автора

Всю жизнь на защите здоровья людей

Алле Федоровне Бачернихину хорошо знают не только в Павлово, в других районах Ленинградской области, но и в Санкт-Петербурге. 3 сентября исполнится 35 лет ее трудовой деятельности в Центре «Логос». Алла Федоровна – бесценная медицинская сестра этого образовательного учреждения, в котором дети одновременно проживают в период коррекционного обучения. 2014 год для Бачернихиной – дважды юбилейный: 3 февраля Алле Федоровне исполнилось 75 лет. О том, что для нее значит медицина, о своем военном детстве и жизни в послевоенные десятилетия юбилярша рассказала читателям «Вестника».

Военное детство

Алла Федоровна Бачернихина родилась на Брянщине, в деревне Бобровка Дятьковского района, в семье Антонины Ивановны и Федора Ивановича Царьковых. Самая старшая из троих детей, она с детства во всем помогала своим родителям. В деревне, состоявшей из пятнадцати домов, проживало немало родственников Царьковых. На другом краю стоял дом ее бабушки, неподалеку жили семьи тетей и дядей по обеим линиям, а родители поселились в доме свекра. В маленьком колхозе мать работала колхозницей, а отец был мостостроителем, он выполнял монтажные работы на объектах. В мае 1941 у Царьковых родилась вторая дочь.

С началом Великой Отечественной войны отца призвали на фронт, он служил в войсках связи и Победу встретил в Венгрии. Жителей Бобровки не эвакуировали. Всем колхозом они так и попали под оккупацию, которая продлилась с лета 1941 до 1943 года. Сразу же ситуация показала истинную сущность некоторых земляков – гитлеровцы быстро сформировали полицейский отряд из числа добровольцев...

На территории Бобровки было определено на постой пехотное подразделение. В доме Царьковых жили гитлеровцы из числа «обслуги», спали они вповалку прямо на полу, на соломе. Ранняя детская память на всю жизнь запечатлела отношение к мирным жителям «полицеев» и фашистов с передовой. Офицеры – постояльцы из действующей армии, жившие у бабушки – бросали голодным детям конфеты и фрукты из своих пайков, так впервые Алла попробовала апельсин. А «полицейки», хорошо зная настроения своих односельчан, семьями отстреливали «пособников партизан», хотя многие из обвиненных партизан и в глаза не видели. В лес мирных жителей не пускали под угрозой расстрела. Да и уйти женщины с малыми детьми далеко не могли – их сразу возвращали с собаками в дома.

– Мы же рядом Украиной находились. Так вот, оттуда иногда приходили «бандеровцы», – рассказывает Алла Федоровна. – Помню, однажды зашли к нам один такой, всю семью поставил «к стенке», снял автомат с предохранителя. Он ничего от

нас не хотел – все продукты уже до него местные полиция унесла. Просто решил поиздеваться над стариками и детьми.

Однажды дедушке удалось выпроводить одного из таких неожиданных гостей – еле выравшись от избивавшего его полицейского, он добежал до местной комендатуры и сообщил, что в дом проник партизан. Пьяный полицейский был действительно похож на обитателя лесов, и немцы его быстро «скрутили». А когда разобрались, что и как, тихо направили «героя» на фронт. После этого жители смогли вздохнуть свободно.

Не все родные Аллы Федоровны пережили оккупацию. За связь с партизанами была расстреляна ее тетя, молодая девушка. А другую тетю по этой же причине чуть не забили до смерти. Подразделения действующей армии этим руки себе не марали – с «неблагонадежным» населением разбирались части СС. Часто в деревню приходили «летящие колонны» – «эсэсовцы», переодетые под партизан. В их рядах были русские, поэтому население обмануть было нетрудно. Они просились на «постой». Выявленных за время «рейда» сержантских сельчан расстреливали на следующее утро целыми семьями. Если на дороге в лес были видны следы, то гитлеровцы понимали, что накануне в деревне ночевали настоящие партизаны. В этих случаях расстреливали не только семьи, приютившие на ночлег, но и тех, кто делился с «сыночками» продуктами.

Послевоенные годы

По окончании войны в деревню живыми вернулись меньше половины фронтовиков. Отец приехал ненадолго – в 1949 году в семье родился сын, и Царьков-старший вместе со своими братьями уехал на заработки на восстановление мостов.

Мать с детьми осталась в колхозе. Работала бригадиром, а маленькая Алла в первом классе ходила в поле, помогала собирать колоски. После школы семилетку в Будочке и учебы в Бытоше, десятый класс Алла Федоровна заканчивала в Отрадном. В 1954 году семья переехала в Павлово, в район, который сейчас называется Мостоотрядом-77. Сюда отца пригласили

на строительство Кузьминского моста. Закончив учебу, она год проработала вместе с отцом – застилала бетоном основание под железнодорожные пути. Затем отучилась на десятимесячных курсах при Кировской больнице. В 1957 году Бачернихина начала свою многолетнюю трудовую деятельность как медицинская сестра в павловском детском саду, в ясельках. Тогда детский сад находился в здании амбулатории, а со стороны входа в детское отделение располагалась веранда, на которой малыши гуляли зимой.

Когда отца перевели по работе в Выборг, Алла вместе с подругами поехала учиться в Выборговское медицинское училище, по окончании которого была направлена на работу в деревню Тихорицы Киришского района Ленинградской области. Там ей впервые пришлось работать самостоятельно. В деревенской амбулатории она вела прием как акушер, принимала роды.

Семья

До отъезда в Выборг на танках в клубе на Мостопоезде Алла Федоровна познакомилась со своим мужем Владимиром Николаевичем. Он в то время служил срочную военную службу в воинской части, дислоцированной в Хиттолово на Карельском перешейке. Часть направляла солдат для работы на кирпичный завод, а взамен получала необходимые для строительства кирпичи.

– Мы поженились 13 августа, но прожили дружно и счастливо, – опровергает приметы Алла Федо-

ровна. – У нас две замечательные дочери, внуки и правнуки.

Старшая из дочерей, Галина Владимировна Дмитриева, семнадцать лет проработала учителем-логопедом в Центре «Логос», создав вместе с матерью одну из трудовых династий школы.

Галина родилась в 1960 году, но ребенка пришлось оставить у бабушки: в Тихорицах условий для грудного малыша не было. Через пять месяцев муж забрал жену и дочь на свою родину, в Архангельск. Владимир закончил училище и пошел работать в торговый флот. На родине Владимира Алла Федоровна работала в родильном доме, в палате новорожденных, муж по полгода «пропадал» в море. Помнит, что добираться до работы зимой приходилось по льду Двины. Да и других трудностей было немало. Наверное, поэтому мать и дочь, прожив в семье свекра меньше года, вернулись в Павлово. Чуть больше нигде не уезжать.

Поселковый медик

По возвращении домой Бачернихина устроилась на работу в амбулаторию, в которой 18 лет проработала фельдшером на приемах. В обязанности поселкового врача входили и выезды на «скорой помощи». Все эти годы Алла Федоровна вне зависимости от времени суток, без выходных возвращала землякам утраченное здоровье. Такая работа разилась на ее собственном самочувствии. После операции ей пришлось вначале переводиться

на «детский» участок, а позднее, когда в амбулатории появился педиатр, Алла Федоровна перешла на работу в только что открывшуюся речевую школу.

В первые годы работы павловская школа принимала учащихся разных возрастов, в основном из неблагополучных семей. Бывало и такое, что плакала она при виде новых воспитанников. Дети жили в школе в течение учебного года. На попечении Аллы Федоровны иногда пребывало одновременно более 200 учеников! Это сейчас в центре работают два врача, четыре медицинские сестры и две ночные медсестры в санаторных группах. А в те годы все лежало на плечи Бачернихиной.

– Я сутками работала, говорю без преувеличения, – возвращается к первым десятилетиям истории Центра «Логос» Алла Федоровна. – Наверное, спасало то, что я очень люблю детей. Ведь бывало, что ночью выхожу ребенка, а с утра, без сна, заступаю на дневное дежурство. У нас было другое отношение к медицине и к ответственности за здоровье людей, потому что мы – дети войны, учились профессии на фильмах о войне и рассказах о работе фронтовых госпиталей.

Осенью прошлого года Центр «Логос» отметил сорокопятилетний юбилей, а в нынешнем сентябре отпразднует тридцатипятилетие своей работы Алла Федоровна Бачернихина – медик с большой буквы и человек необыкновенно отзывчивого сердца.

Светлана КОЛОДЯЖНАЯ-ШЕРЕМЕТЬЕВА

КОЧЕВАЯ СУДЬБА МОСТОСТРОИТЕЛЯ

Татьяна Алексеевна Коробейникова — мостостроитель, посвятивший этому нелегкому труду более двадцати лет. Недавно она отметила свое 80-летие. О своей жизни Татьяна Алексеевна рассказала читателям «Вестника».

Детство и жизнь в оккупации

Татьяна Алексеевна родилась в дер. Бобровке Винево-Виневского района Тульской области. В их небольшой семье было двое детей. Но старший брат умер в детстве, а вскоре девочка потеряла и мать. Отец, еще молодой человек, остался на руках с 2-летней дочуркой. Он работал лесником, а за Татьяной Алексеевной присматривала бабушка. У бабушки детей было много, поэтому девочка росла в окружении двоюродных братьев и сестер. Ее отец так и не женился — сначала отнекивался, мол, пусть Танюшка подрастет, куда я махну в дом приведу, а потом началась война, с которой он уже не вер-

нулся. Из многочисленных дядюшек и тетушек Татьяна Алексеевна запомнила дядю Мишу — наверное, потому, что он до войны работал конюхом и рядом с ним всегда находились красавицы-лошади.

Когда объявили мобилизацию, отец и дядя ушли на фронт. Деревня была большая: 110 домов. Все дружно жили. В войну жители попали в оккупацию, немцы стояли в деревне до самого приближения фронта.

— Помню, как мы с двоюродной сестрой тайком, сгорбившись на палатках, голодные наблюдали за немцами, которые варили вкусную еду из деревенской скотины в большом котле, прямо во дворе, — рассказывает Татьяна Алексеевна.

Бабушка, чтобы не отдавать скотину оккупантам и уберечь детей от голодной смерти, выманила корову и курицу детем. Немцы очень боялись различных заболеваний, которые передавались от животных человеку. Увидав «больную» скотину, немецкие солдаты увели ее со двора побрезговали. Вот

«Мостоотряд-77» — это не только часть поселка Павлово. По судьбам его коренных жителей можно изучать географию нашей необъятной Родины. Руками этих людей отстроены мосты через крупнейшие реки России — Волгу, Иртыш, Лену.

таким нехитрым способом удалось уберечь от принудительного изъятия животных. Во время бомбежек тетя убегала с детьми в ригу, где молотили рожь. Когда фронт приблизился, нацисты начали жечь деревни и села. Вест об этом быстро разлетелась по всему району. Народ всполошился, с нехитрыми пожитками и уцелевшей скотиной люди побежали в лес.

Внезапно к семье примкнул и дядя Миша — он отстал от фронта и в сумбурное время решил спрятаться от нацистов в родной деревне. Вместе с бабушкой он перебрал скотину в лес: и своей семье, и немощным соседям помог. Бежать далеко не пришлось — деревня располагалась в середине леса. Пришли наши солдаты — немцев выгнали. А дядя Миша с советскими войсками продолжил наступление.

Тула, Вологда и Огрыз

После войны, окончив начальную школу, Татьяна Алексеевна работала в колхозе: вязала снопы, помогала на сельхозработках. В 18 лет уехала в Тулу, где устроилась печником в ремонтно-строительную контору. После этого она перешла работать на пилотный завод — на пилораму. Жила в общежитии. Ее будущий муж Юрий, тоже из общежития, трудился на этой же пилораме. На работе они и познакомились. В 1954 году в ее семье произошло радостное событие — родился сын Владимир. Но семейное счастье продолжалось недолго — муж очень рано

умер от туберкулеза.

Из Тулы она не уехала, только перешла работать на другое производство — на самоварном заводе требовались контролеры ОТК.

— Знаете, как мы детей растили? — не дождавшись моего ответа, Татьяна Алексеевна продолжает — Мест в садике не было. Я сыночка дома одного оставляла, а он маленький такой, еще совсем ничего не понимал. Я его к кровати привязывала, а в руки часы настенные вместо игрушки давала. Так он у меня полдня и сидел. А во время обеденного перерыва я приходила, кормила его. Сыночек поест — а я снова на работу, до вечера.

Как-то раз увидела Татьяна Алексеевна объявление о вербовке на лесоповал в Вологду. К тому времени место в садике уже предоставили. Володя находился в круглосуточной группе на «пятитдневке», а в выходные за внуком присматривала свекровь.

Но новая работа оказалась не такой, как она ожидала. На лесоповале денег не выплачивали месяцами. Отработав почти год и не дождавшись денег, Татьяна Алексеевна решила уехать. Для того, чтобы выехать с лесоповала, в Вологде пришлось продать последнюю ценную вещь — зимнее пальто. Денег за него дали ровно на билет. В легком демисезонном пальто она и оказалась в Огрызе, в 471 Мостоотряде. Таисия Петровна, которая принимала ее на работу, определила Татьяну Алексеевну на участок в Сундуково — на бе-

тономешалку, где месили бетон для строительства мостов. Бригадир, чувашка Лидя Кузнецова, очень заботилась о своих девчонках-работницах.

Любовь и кочевая жизнь на просторах Советского Союза

Жили мостостроители в вагончиках. Здесь она и познакомилась со своим вторым мужем.

— Коля Коробейников с другом зашел к нам в вагончик водички попить, — вспоминает Татьяна Алексеевна. — Я ему сразу и пригласилась...

Вслед за Николаем поехала она в Алтайский край. Отчаянный это был поступок. За тысячами километров остались свекровь с маленьким сынишкой. Она до того никому не рассказывала о ребенке, а когда привез Николай ее к своим родителям — как же утаишь?

Будущая свекровь была категорически против: сын — красавец молодой, женат никогда не был, невест вокруг было — хоть отбавляй. А свекор Татьяну Алексеевну поддержал. Он сам приходил Николаю отчимом, женился на его матери, когда у нее уже было двое детей. Родной то отец Николая с фронта не вернулся, героически погиб в боях за Родину.

И началась кочевая жизнь Коробейниковых-мостостроителей. Чебоксары, Тюмень, Куйбышев... Полстраны проехали они вслед за своим мостоотрядом. Сколько мостов построено было их руками!

В Красноярском крае в 1960 году родилась у Коробейниковых дочь Любовь.

В 1979 году Коробейниковы приехали на строительство «Марьинско-

го моста». Попали они в наши края случайно — друзья, Болотовы, подсказали, что для строительства Новоладжского моста набирают специалистов.

Жизнь на Неве

У Татьяны Алексеевны есть грамота за активное участие и в строительстве мемориального зала «Прорыв блокады Ленинграда», много благодарностей за труд. Свое жилье Коробейниковы получили в бараке на три семьи — после вагончиков оно казалось хоромами. Но сейчас оно нуждается в ремонте, на который ни средств, ни сил нет ни у Татьяны Алексеевны, ни у немолодого уже Владимира.

Да и проблемы со здоровьем беспокоят Татьяну Алексеевну — совсем отказать у нее единственный слуховой аппарат. Вот если бы отдел социального обеспечения помог ей с приобретением нового, наверное, это стало бы лучшим подарком к отмеченному недавно 80-летию.

Татьяна Алексеевна — оптимистка и необыкновенная труженица. На паре квадратов земли под окнами она выращивает дары огорода. Шестью почетными грамотами отмечены ее успехи в выведении сортовых георгинов. Татьяна Алексеевна не только коллекционирует семена, она щедро делится ими с окружающими.

— Что пожелать нашей молодежи? — ненадолго задумывается Татьяна Алексеевна Коробейникова. — Здоровья, счастья и веры в свои силы. Мне хочется, чтобы они так же, как мы, крепко любили Родину и трудились на благо своих семей и нашей Отчизны!

Светлана Колодежская-Щереметьева,
фото автора

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Военные подвиги были и остаются на многие века главным мерилом человеческого достоинства, любви к Родине, мужества и стойкости. Вспоминая о Великой Отечественной войне, об эпизодах, которые свидетельствуют о мужестве и героизме, мы мало говорим о добровольцах, уходивших на фронт по зову сердца, как поступил семнадцатилетний Владимир Тереховский.

Вступив добровольно в Красную Армию в январе 1944 года, боец Тереховский настойчиво взялся за изучение военного дела и техники связи.

В те дни, когда войска Карельского фронта перешли в решительное наступление в районе Лодейного поля, красноармеец Тереховский в числе первых форсировал реку Свирь и в составе линейного взвода обеспечивал наступающие части бесперебойной проводной связью, проявляя мужество и отвагу.

Так, при взятии высоты севернее Питкяранты, 15 июля 1944 года взводу была поставлена задача обеспечить связью полк, который штурмовал высоту. Заметив передвижение, противник обрушил всю мощь огня артиллерии и миномётов, но отважный связист под ураганным огнём, ежеминутно рискуя жизнью, продолжал выполнять боевую задачу. Был ранен командир отделения, и красноармеец Тереховский принял на себя командование отделением. Осколком снаряда он сам был ранен в ногу, но преодолевая боль, пробираясь ползком от обрыва к обрыву, исправлял повреждения связи до тех пор, пока не лишился сознания от потери крови.

За отличное выполнение боевой задачи по обеспечению связи в трудных условиях боя, за проявленное при этом мужество и отвагу Тереховский Владимир Иванович был награждён орденом Красной Звезды.

Совет ветеранов МО Павловское ГП

УЧИТЕЛЬ, КОТОРОГО НЕ ЗАБУДЕШЬ

5 августа отметила юбилей известная павловчанка, человек, которого ценят и уважают многие жители Павлово – Нина Андриановна Чиж.

Нина Андриановна – блистательный учитель-математик и интеллигентный человек, воспитавший не одно поколение достойных учеников. Она отдала работе в Павловской школе много лет. Невозможно сосчитать, сколько раз она входила в класс, чтобы учить детей премудростям сложного и очень важного для развития ученика предмета – математики.

Нина Андриановна была строгим и требовательным учителем, и неслладко приходилось непоседливым ученикам, пытавшимся пошуметь на ее уроках. Но строгость этого учителя всегда была справедливой.

И хотя основным инструментом учителя является слово, учитель математики Нина Чиж совсем немногословна, предпочитает делать, а не говорить. Ну, уж если она что-то сказала, то каждое ее слово точно, обдуманно и выверено.

Родители, чьи дети попадали в класс математики к Нине Андриановне, говорили: «Будет знать предмет!», потому что многие сами учились у этого преподавателя. Но не только формулам и теоремам она учила ребят. Нина Андриановна на личном примере воспитывала у учеников лучшие моральные качества: трудолюбие, принципиальность, культуру... А ведь помимо работы, у нее было немало забот и дома – она вырастила двух дочерей, да и на даче у нее хлопот хватало (не раз она угощала коллег-учителей плодами со своего участка). Если же в трудные перестроенные годы было трудно достать красивый и модный наряд, то она сама шила платья себе и дочерям, да так, что обновка получалась модной и оригинальной.

Её и сейчас не увидишь в праздности и безделье: «ей некогда ласы точить», как будто о ней писал поэт Некрасов. Время у математика рассчитано по минутам. И сейчас, когда Нина Андриановна вышла на пенсию, она по-прежнему остается деятельной и энергичной. Не зря говорят, что настоящий учитель – это не профессия, а диагноз, в хорошем смысле слова.

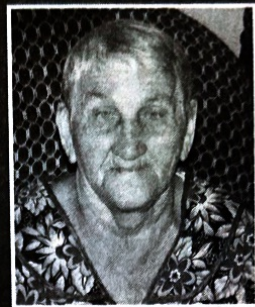
В нашем педагогическом коллективе этот замечательный педагог занимала достойное место, хотя никогда не стремилась в лидеры: скромность – одна из главных черт характера настоящего интеллигента. Вспоминается такой случай. Когда в школах стали вводить ЕГЭ, наш завуч Ольга Сергеевна Буренкова справедливо рассудила: прежде чем опрашивать по тесту учеников, надо его опробовать на учителях. И вот на каком-то педсовете для всех учителей был проведен экспериментальный ЕГЭ по литературе. И что вы думаете – больше всех баллов набрали не филологи, а учитель математики Нина Андриановна Чиж! И это не случайность, ведь она настоящий ценитель серьезной классической литературы.

И мы, педагогический коллектив Павловской школы, говорим: с юбилеем, дорогая Нина Андриановна! Пусть Вы и ушли на заслуженный отдых, но для нас Вы всегда останетесь нашим дорогим коллегой, и брешь, которая образовалась после Вашего ухода, никто не сможет закрыть. Поздравляем!

**Педагогический
коллектив Павловской
общеобразовательной
школы**

МОЯ ЖИЗНЬ – ВОЛОГОДЧИНА И ПАВЛОВО

14 июня отметила 90-летний юбилей павловчанка Анна Андреевна Виноградова. Именинницу сердечно поздравила с днем рождения небольшая делегация в составе начальника отдела архивного комитета Правительства Ленинградской области Татьяны Трубкиной, председателя комитета социальной защиты населения Кировского муниципального района Ольги Белокуровой и главы администрации Павловского городского поселения Григория Гусева.

Нашей землячкой Анна Андреевна стала не так давно: в 2003 году она переехала из Ерцево Вологодской области в Павлово и приняла наш поселок, как родной дом, всей душой. Глядя на нее, постоянно сидящую в окружении павловских старожилов, не скажешь о том, что она – не местная.

Детство и юность

Анна Андреевна – с Вологодчины. Она родилась в деревне Лучино, Тотемского района, в семье колхозников, где кроме нее уже было семеро детей – пятеро сыновей и две дочери.

Когда ей исполнилось десять лет, семья осталась без кормильца: отец, работавший мельником, простыл на мельнице и умер от воспаления легких. Тот год выдался тяжелым – вокруг целые деревни вымирали от голода. Для того, чтобы получить 600 г хлеба на человека, Анна с младшими братьями переносили камни с пашни на межу. Выжидали трудно, из восьми детей после войны в живых остались только Анна Андреевна с братом Николаем и сестрой Марией: старшая, Манефа, умерла при родах до войны, братья Александр, 1918 г. р., и Павел, 1920 г. р., погибли на фронтах Великой Отечественной, а остальные умерли в детском возрасте.

ском возрасте.

В школе поучиться Анне Андреевне не пришлось: через 1,5 года учебу пришлось прервать из-за резкого ухудшения здоровья. Но с детских лет Анна Андреевна была приучена к тяжелому крестьянскому труду и эти навыки помогали ей в самые непростые моменты жизни.

Началась война. Анна Андреевна осталась работать в колхозе. Семнадцатилетняя девушка запахивала и боронила поля на двух лошадах одновременно! В 1942 году в колхоз вернулась и сестра Мария с детьми. Ее муж в то время воевал на Курской Дуге. Работали женщины прицепщиками на тракторах – регулировали погружение плуга в землю, косили сено. На Вологодчину немец не дошел, поэтому хозяйства оставались крепкими – кроме коровы мать и сестры держали овец, кур и большой огород.

В 1944 году в семью сестры Марии из госпиталя приехал муж, пусть без левой руки, но живой! Деревню Лучино не повезло с вернувшимися фронтовиками – мужчины ушли на войну из 50 дворов, а вернулись только двое – один без руки, другой – без ноги. Третьего же, «самовара» (так называли инвалидов, оставшихся без рук и ног – прим. ред.) так никто в колхоз обратно не взял... Жесткое было

время.

До конца войны колхозники сортировали зерно на фронт – 1-й сорт шел на передовую, 2-й – оставляли для нужд тыла, осенью собирали лен. Им особо богат Вологодский край – за 13 соток обработанного льняного поля колхоз платил 3 рубля, на которые жители покупали чай и сахар в расположенном за километр от деревни магазине.

За ударную работу в период Великой Отечественной войны Анна Андреевна и ее мать были удостоены звания тружеников тыла.

После войны

Отремели залпы Победы, а жизнь в колхозе легче не стала: также бесправно трудились на полях женщины от зари до зари за «палочки» – трудодни. Судьба Анны Андреевны изменилась в 37 лет, после смерти матери. В 1960 году она приехала в Ерцево, в Почтовый-233, относившийся к системе Каргополь ГУЛАГа. Туда после окончания войны вернулся ее зять, Иван, военнослужащий ВОХРа, которого после взяли обратно на работу в систему, но уже сторожем на выходе из «зоны», из-за отсутствия руки. Именно это место посчитал самым лучшим для проживания одинокой сестры брат Николай. И он не ошибся. Вскоре Анна Андреевна

вышла замуж за вдовца с ребенком, Ивана Андреевича Виноградова, который был старше супруги на 11 лет, но отличался серьезностью и домовитостью. Первая жена Виноградова погибла на работе, и его 9-летнему сыну очень нужна была мать. Так в 39 лет началась замужняя жизнь Анны Андреевны. В 1964 году у Виноградовых родился сын Андрей. Жили они небогато, потому что Иван Андреевич был инвалидом по язве желудка и получал только половину положенной пенсии. Недолгий срок определила судьба и для сына. Андрей был женат, работал грузчиком и кочегаром, но в 37 лет умер от инфаркта. Сейчас в Санкт-Петербурге живет его сын, Иван, у которого двое детей. Внук Анны Андреевны вырос трудолюбивым человеком.

– Весь в меня!, – заметила она. – В двух местах работает и в семье у него все хорошо!

Всю жизнь Виноградова посвятила тяжелому труду: будучи рабочей путей забивала костыли и клала шпалы, была подсобным рабочим склада – следила за выгрузкой заключенными на зоне продуктов в ангары продуктовой базы, работала и сторожем. За многолетний и добросовестный труд, а также проявленные успехи в социалистическом соревновании Анна Андреевна неоднократно премиро-

валась денежными поощрениями и благодарностями. Ей присвоены звания «Труженик тыла» и «Ветеран труда»; вручены памятные медали, выпущенные к 60-летию и 65-летию Великой Победы. Не так давно Анна Андреевна получила и удостоверение участника Великой Отечественной войны в соответствии со ст. 20 (труженик тыла). Ныне эта категория граждан относится к числу областных льготников, которым ежемесячно выплачивают 450 руб. и предоставляют льготное лекарственное обеспечение, а также зубопротезирование. Но последняя льгота снимается, если у гражданина есть инвалидность. А Анна Андреевна – инвалид по зрению.

Вторая жизнь

Именно так можно назвать то, что сделала для одинокой тети племянница Людмила Ивановна Ефимова.

– Мы с дочерью живем в Павлово с 1970 года, – рассказала она. – В 2003 году мне позвонили из Ерцево с просьбой забрать к себе ослепшую тетюшку из опустевшей деревни. Куда ее брать – размышлений не было, хотя у меня однокомнатная квартира...

Анна Александровна очень повезло с родней. То, что павловчанка в добром здравии отпраздновала свой юбилей, их коллективная заслуга, но особо помогла ей Людмила Ивановна. Анна Андреевна не имела даже инвалидности, хотя, для того чтобы вновь начать видеть, ей пришлось перенести две сложных операции на оба глаза: в клинике им. Академика С. Н. Федорова в Санкт-Петербурге и в Областной больнице пришлось заменять хрусталики. После этого племянница выхлопотала Анне Андреевне II-ю группу инвалидности

по зрению. Виноградова не только вернулась к нормальной жизни, но и стала укреплять свое здоровье: до 88 лет она одна регулярно ходила с собачкой в лес за грибами и ягодами. Последние годы Анне Андреевне назначили хорошую пенсию.

– Она не умеет сидеть на месте, – поделилась впечатлением Людмила Ивановна. – До сих пор все делает сама: ходит в магазин, гуляет, стирает и готовит.

Большую радость Анне Андреевне принес отдых в «Комплексном центре социального обслуживания населения» в Кировске, куда она собирается и в нынешнем году.

– Жизнь-то сейчас какая хорошая! – оптимизм Виноградовой напрочь скрывает ее годы. – Не то, что мы раньше жили. Вот и пенсию Президент Путин нам, старикам, прибавил, да и лекарства бесплатные.

Старость Анны Андреевны протекает счастливо. Одна лишь забота – нет у нее своего угла. Виноградова проживает поочередно: то в однокомнатной квартире у племянницы, то в «двушке» у родни, где кроме нее еще семь человек. В канун 90-летия Анны Андреевны Президент Путин в одном из своих выступлений указал на необходимость приравнять по льготам тружеников тыла к участникам и ветеранам ВОВ (в том числе и в части предоставления жилья). Возможно, это решение и будет принято в ближайшее время. Поэтому пожелаем Анне Андреевне Виноградовой долголетия и крепкого здоровья, а самим себе – прожить свою жизнь так же достойно, как поколение, вынесшее на своих плечах все тяготы Великой Отечественной войны.

Светлана Колодяжная-Шереметьева,
фото автора